

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 50-ЛЕТИЮ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА А. Ф. ЛОСЕВА

Редакционная коллегия и редакция «Вестника древней истории», сектор истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, многочисленные ученики горячо поздравляют профессора Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, виднейшего советского философа и филолога, музыковеда и лингвиста, исследователя и истолкователя античной культуры Алексея Федоровича Лосева с двойной знаменательной датой — 75-летием со дня рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности.

Полувековой творческий путь А. Ф. Лосева поражает уникальным многообразием творческих интересов — от проблем архаического мышления Гомера до интерпретации музыкальных драм Рихарда Вагнера, от общеполитических вопросов предельной широты до конкретнейших частных словоупотреблений античных авторов, от загадки миропонимания Гераклита или Платона до общей теории языковых моделей. И в то же время этот долгий, богатый исканиями и находками путь отмечен единственной в своем роде органичной целостностью и неуклонной последовательностью, внутренней логикой, все более отчетливо выявляющейся с каждым новым шагом. Уже в статье молодого тогда ученого «Эрос у Платона», вышедшей в 1916 году в сборнике «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве», внимательный взгляд уловит черты, которые навсегда станут характерными для лосевской мысли: внимание к пластической целостности предмета и к его своеобразности, к его твердым смысловым границам. И сама тема статьи — творчество Платона — до сих пор стоит в центре научных интересов семидесятипятилетнего ученого, составляя для него предмет подлинно юношеской интеллектуальной страсти. Фундаментальная работа «Античный космос и современная наука», законченная в 1925 и вышедшая в свет в 1927 году, дает обобщенную реконструкцию глубинного смысла древнегреческих учений о бытии и мироздании, о времени и пространстве, о числе и веществе. Приложенные к этой работе переводы неоплатонических текстов, как и другие плоды переводческих трудов Алексея Федоровича («Диалектика числа у Плотина», 1928; «Критика платонизма у Аристотеля», 1929), относятся к своеобразному жанру интерпретирующего перевода: они совмещают филигранную скрупулезность филолога, устремленную на слово, с проникательностью философа, проникающей в то, что стоит за словом. Важный вклад в изучение платоновско-аристотелевской диалектики представляют «Очерки античного символизма и мифологии» (1930).

Новый период в творчестве А. Ф. Лосева, отмеченный усвоением марксистского метода, — к которому ученый был подготовлен и ранее умственной дисциплиной гегелевской традиции, — начинается с исследования «Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии» («Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та», т. 72, кафедра классической филологии, вып. 3, 1953). Каждая из многочисленных работ многоопытного ученого, вышедших в 50-е и 60-е годы, становилась важным научным и — шире — культурным событием. Взгляды исследователя на сущность мифа, на структуру рабовладельческого сознания, сверху донизу обусловленного исходной «телесной» интуицией, на природу древнегреческой диалектики, приобретают все больше сторонников, будят мысль научной молодежи. Наиболее яркую реализацию эти взгляды находят в новой обобщающей работе А. Ф. Лосева «Античная эстетика», первая часть которой («Ранняя классика») вышла в свет в 1963 году, вторая часть («Платон и Аристотель») ожидается в ближайшее время; сейчас Алексей Федорович готовит третью часть этого труда.

Радостно сознавать, что ученый и в семьдесят пять лет проявляет такую интеллектуальную энергию, такую смелость в постановке самых животрепещущих и спорных проблем, такую непредвзятость перед лицом новых научных идей и методологических возможностей, которые надежно обеспечивают ему почетное место в самом средоточии умственных страстей века.

Пожелаем же Алексею Федоровичу новой бодрости и новых сил, новых исканий и находок!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS
ORATIONES

ИСОКРАТ
РЕЧИ

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

(Продолжение)

XIX. ЭГИНСКАЯ РЕЧЬ *

«Эгинская речь» Исократы была произнесена на процессе по делу о наследстве Фрасилоха, которое разбиралось в эгинском суде. Это единственный известный нам пример судебной речи, произнесенной за пределами Аттики. Самый этот факт говорит об исключительно широкой известности Исократы как логографа (составителя судебных речей). Процесс по делу о наследстве Фрасилоха состоялся, очевидно, после 393 г. до н. э. Фрасилох и его приемный сын, от лица которого произносится речь, — оба сифносские аристократы, вынуждены были покинуть свой родной остров, после того как в результате битвы при Книде Киклады вышли из-под контроля Спарты и оказались в сфере афинского влияния¹. Некоторое время Фрасилох и его спутник жили на острове Мелосе, затем в Трезене и, наконец, попали на Эгину. Здесь Фрасилох заболел и спустя шесть месяцев умер, что произошло, по-видимому, не ранее 391 г. Учитывая, с другой стороны, что в 390/89 г. началась война между Афинами и Эгинной (Хеп., *Hell.* V, 1, 1), что должно было весьма затруднить сношения всякого рода между обоими государствами, мы можем считать наиболее вероятной датой «Эгинской речи» 391 или 390 г.

(1) Я думал, эгинеты, что Фрасилох так хорошо распорядился своим имуществом, что никто никогда не станет возражать против оставленного им завещания. Но раз уж противная сторона настроена так, что оспаривает и столь прекрасно составленное завещание, мне придется попробовать добиться от вас того, что мне причитается по праву. (2) Я испытываю чувство, противоположное тому, которое испытывает в таких случаях большинство людей. В самом деле, по моим наблюдениям, другие сильно расстраиваются, когда незаслуженно из-за чего-нибудь попадают в затруднительное положение. Я же чуть ли не благодарность питаю к этим людям за то, что они меня втянули в это состязание. Ведь если бы это дело не было передано в суд, вы едва ли смогли бы узнать, как я вел себя по отношению к покойному и как я стал его наследником. Узнав же, как было дело, вы все поймете, что по справедливости я вполне заслуживал бы большего дара, чем этот². (3) Следовало бы и той, которая домогается имущества, не от вас попытаться заполучить состояние, оставленное Фрасилохом, но при его жизни будучи полезной ему, теперь с полным правом добиваться, чтобы оно было присуждено ей. Она же, отнюдь не раскаиваясь в том, что она совершила недостойного по отношению к нему, пока он был еще жив, теперь, когда он умер, пытается объявить завещание недействительным и лишить дом наследника³.

(4) Удивляюсь и хлопочущим за нее. Они, видимо, думают, что для них в этом деле нет никакого риска, так как, даже и потерпев поражение, они не понесут никакого наказания⁴. Между тем, я полагаю, что для них бу-

* Перевод Ю. В. Андреева.

¹ Хеп., *Hell.* IV, 8, 7; Диод., XIV, 84.

² Ср. Лукиан, XVI, 1—2; XXIV, 1; Исаеус, II, 1.

³ Ср. § 34 этой же речи. Также Исаеус, II, 23, 35; [Деметрий], XLII, 11.

⁴ Данный текст свидетельствует о том, что на Эгине, по крайней мере в процессах того же рода, как и дело о наследстве Фрасилоха, не применялись ни судебные залогов («πρῆταναί»), ни судебные пошлины («πράστασις»). Впрочем, сестра Фрасилоха могла

дет тяжелым наказанием уже одно то, что, будучи уличены в несправедливых домогательствах, они лишаются в ваших глазах своей репутации порядочных людей. Вы же сможете убедиться в бесчестности этих людей по самим их делам, когда выслушаете до конца, как все это было. Начну с того, что, как я думаю, очень скоро даст вам возможность понять, из-за чего у нас идет тяжба.

(5) Так вот, Фрасилл, отец завещателя, не получил от своих предков никакого имущества. Однако, став ксеном⁵ прорицателя Полеманета, он так близко с ним сошелся, что тот, умирая, оставил ему книги по искусству прорицания и дал кое-что из того имущества, которое теперь имеется в наличии. (6) Получив эти средства, Фрасилл сам стал заниматься прорицанием. Пустившись странствовать и бывая во многих городах, он сходился с разными женщинами. Некоторые из них имели от него детей, которых он, однако, никогда не считал законными. Тогда же он овладел и матерью этой женщины. (7) А когда он нажил большое богатство и захотелось ему вернуться на родину, он расстался с ней и с другими своими любовницами и, приплыв на Сифнос, взял там в жены сестру моего отца, так как, хотя по богатству сам он был первым среди граждан, наша семья, как он знал, знатностью рода и прочими достоинствами превосходила всех остальных. (8) Он настолько ценил дружбу моего отца, что после того как его первая жена умерла бездетной, он тотчас же женился на двоюродной сестре отца, чтобы не порывать родственные отношения, связывавшие его с нами. Однако после недолгого сожительства и эту его жену постигла та же самая участь, что и предыдущую. (9) После этого он взял в жены девушку с Серифа у людей гораздо более достойных, чем можно себе представить обитателей такого городка⁶. От этого брака родились Сополлис, Фрасилох и дочь, в настоящее время являющаяся моей женой. Это единственные законные дети, оставленные Фрасиллом. Их он назначил наследниками своего имущества⁷, после чего и умер.

(10) Мы же с Фрасилохом, переняв от родителей наших столь тесную дружескую привязанность, о которой я только что говорил, еще более упрочили ее. В самом деле, в детстве мы были друг для друга больше чем братьями и никогда не ходили порознь ни на жертвоприношения, ни на театральные представления, ни на какие другие празднества. И став взрослыми, мы никогда ни в чем не поступали вопреки воле друг друга, но и в наших частных предприятиях действовали всегда единодушно, и в государственных делах имели одно и то же мнение. И друзья, и ксены были у нас общие. (11) Да нужно ли говорить о нашей дружбе, пока мы были еще на родине? Но ведь и став изгнанниками, мы все равно не захотели жить врозь. В конце концов он заболел чахоткой и болел долго. Его брат Сополлис скончался еще раньше. Матери же и сестры при нем не было. И вот я, когда он оказался в таком одиночестве, так усердно и заботливо за ним ухаживал, что он думал, что не сможет по достоинству отблагодарить меня за все, сделанное мной для него. (12) Однако он сделал все

подойти под категорию эпиклер. В этом случае дело о наследстве Фрасилоха можно уподобить одной из форм судебного процесса в Аттике, касающегося «дурного обращения с эпиклерой» (ср. *Isaeus*, III, 46—47).

⁵ Т. е. другом, связанным с кем-либо обычаем гостеприимства.

⁶ Небольшой островок Сериф в древности был «притчей во языцех» (см. *Plato*, *Resp.* 329 E; *Plut.*, *Them.* 8; *Juv.*, X, 170). В действительности Сифнос лишь ненамного больше Серифа. Суда, посланные жителями Серифа, Сифноса и Мелоса в греческий флот, сражавшийся под Саламином, были не триерами, а всего лишь пентеконтерами (*Herod.*, VIII, 48).

⁷ Если понимать текст речи буквально, дочь Фрасилла была такой же его наследницей, как и его сыновья. Известно, однако, что в Афинах (и, вероятно, также в других государствах) дочери вообще исключались из числа наследников.

возможное и, когда почувствовал себя совсем плохо и уже больше не надеялся выжить, позвал свидетелей⁸ и в их присутствии объявил меня своим сыном и передал мне свою сестру и свое имущество. (К секретарю) А теперь возьми у меня завещание.

З а в е щ а н и е

Прочти мне теперь эгинский закон. Ведь в соответствии с ним должно было составить завещание, так как здесь, на Эгине, мы жили, став метеками.

З а к о н

(13) Вот по этому-то закону, эгинеты, Фрасилох и усыновил меня, своего соотечественника и друга, родом не хуже других граждан Сифноса, получившего такое же образование и воспитание, как и он сам. Не знаю, можно ли было лучше исполнить закон, повелевающий усыновлять людей, себе подобных. (К секретарю) Ну, а теперь возьми у меня кеосский закон. Его мы соблюдали, когда были полноправными гражданами у себя на родине.

З а к о н

(14) Если бы, эгинеты, эти люди отказывались признать эти два закона, ссылаясь на закон, принятый в их государстве, то в этом, пожалуй, не было бы ничего удивительного. Однако ведь и этот закон имеет тот же смысл, что и оба предыдущих. (К секретарю) Возьми у меня эту книгу.

З а к о н

(15) Итак, что же им еще остается, когда они сами признают, что Фрасилох оставил завещание, а законы все на моей стороне, а не на их: и ваш закон, принятый здесь, где будет решаться это дело, и закон Сифноса, откуда родом был тот, кто оставил завещание, да, наконец, у них самих, возбудивших эту тяжбу, на родине существует такой же закон. Впрочем, как вы думаете, что может остановить этих людей, которые пытаются убедить вас, что следует признать недействительным завещание, хотя оно составлено в согласии со всеми законами, а вы клялись, что будете судить именно по этим законам?

(16) Итак, что касается самого дела, то о нем, я думаю, уже вполне достаточно сказано. Однако, чтобы ни у кого не сложилось мнение, что я, не имея достаточных к тому оснований, завладел наследством или что эта женщина, показав себя с лучшей стороны по отношению к Фрасилоху, оказалась лишенной имущества, хочу сказать еще следующее. Ведь мне было бы стыдно за усопшего, если бы мне не удалось вас всех убедить в том, что он совершил это не только в соответствии с законами, но и вообще справедливо. (17) Я полагаю, что это легко можно будет доказать. В самом деле, мы с ней — совершенно разные люди. В то время как эта особа, домогающаяся наследства в силу родственных с ним отношений, все время ссорилась и с ним самим, и с Сополисом, и с их матерью и вообще вел себя недоброжелательно, я, со своей стороны, могу показать, что не только по отношению к Фрасилоху и его брату, но и по отношению к самому имуществу, из-за которого мы теперь спорим, вел себя так, как подобает самому лучшему другу.

⁸ Эта предосторожность не была обязательной, но соблюдалась для того, чтобы избежать споров из-за наследства (ср. I s a e u s, IV, 13; IX, 8—9). Сестра Фрасилоха после его смерти оказалась эпиклерой. Брак с наследником в таких случаях был правом (ср. I s a e u s, III, 68—69).

(18) Было бы очень трудно говорить теперь о прошлом. Дело в том, что когда Пасин⁹ захватил Парос, оказалось, что большая часть их имущества была там в закладе у моих ксенов: этот остров казался нам в то время наиболее безопасным местом. И вот, пока они пребывали в таком смятении, думая, что их состояние погибло, я ночью пустился в плавание¹⁰ и доставил им их имущество с риском для собственной жизни. (19) Ведь местность охранялась, и среди людей, занимавших город, было несколько наших изгнанников, которые за один день собственноручно убили моего отца, дядю, зятя и, кроме них, еще троих двоюродных братьев. И тем не менее ни одна из этих опасностей не заставила меня повернуть назад. Я отправился в путь, полагая, что ради них мне следует пойти на риск, как если бы дело шло обо мне самом. (20) После этого нам пришлось бежать из города среди такого смятения и страха, что некоторые с пренебрежением бросали даже и своих собственных родственников. Я же в столь бедственном положении не удовлетворялся спасением только своих близких. Нет, зная, что Сополис в отъезде, а Фрасилох лежит больной, я вывез и его самого, и его мать, и сестру, а вместе с ними и все их имущество. Так кто же иной по справедливости должен владеть этим имуществом, как ни тот, кто тогда помог его спасти, а теперь получил его от его законных владельцев?

(21) Вот каким опасностям я подвергался, выгоды же из всего этого никакой не получил. Хочу еще сказать и о том, как я, угождая ему, сам претерпел величайшие несчастья. Ведь когда мы прибыли на Мелос и он узнал, что мы собираемся здесь остаться, он стал просить меня плыть вместе с ним в Трезену и ни в коем случае его не покидать, ссылаясь на свой телесный недуг и на то, что у него много врагов, и говоря, что без меня он вообще не сможет устроить свои дела. (22) И несмотря на то, что моя мать боялась предстоящего переселения, так как она узнала, что местность в Трезене — нездоровая, да и ксены советовали мне оставаться здесь, мы все-таки решили поступить так, как было угодно ему. И вот не успели мы прибыть в Трезену, как напали на нас такие болезни, что я сам едва избежал смерти, в течение каких-нибудь тридцати дней похоронил сестру, девушку четырнадцати лет, а вслед за ней — не прошло еще и пяти дней — и мать скончалась. Представляете, что должен был я чувствовать, испытав такие превратности судьбы? (23) Ведь я раньше никаких бед не знал. А тут вдруг пришлось испытать и изгнание, и жизнь на чужбине, лишиться своего кровного и, наконец, в довершение ко всему этому видеть, как твои собственные мать и сестра, изгнанные из отечества, на чужой земле и у чужих людей оканчивают свои дни. Поэтому, я думаю, никто мне по-настоящему не позавидует, даже если бы я и извлек какую-то пользу из положения, в котором оказался Фрасилох. Ведь для того, чтобы угодить ему, я, поселившись в Трезене, претерпел такие невзгоды, что едва ли когда-нибудь смогу забыть о них.

(24) Мои противники не смогут также утверждать, что я терпеливо сносил все это, пока у Фрасилоха хорошо шли дела, в несчастье же покинул его. Ведь как раз в это-то самое время я с еще большей очевидностью доказал свое благорасположение к нему. В самом деле, когда он, поселившись в Эгине, заболел той самой болезнью, от которой и умер впоследствии, я так за ним ухаживал, что не знаю, мог ли кто-нибудь другой так же ходить за больным, который по большей части находился в плохом состоянии, и тогда, когда он сам еще мог передвигаться, и впоследствии, когда

⁹ Личность, о которой больше ничего не известно. Быть может, афинский полководец. О войне Афин со Спартой из-за Пароса упоминает Платон в «Менексе» (245b).

¹⁰ Плавание в ночное время считалось в те времена весьма рискованным предприятием (ср. Thuc., III, 49, 3; Xen., Hell. VI, 2, 29).

он на протяжении шести месяцев, не вставая, лежал в постели. (25) И никто из его родственников не захотел разделить с ним его мучения и даже взглянуть на него никто не явился, кроме матери и сестры, которые, однако, больше другими делами занимались, так как обе они больными прибыли из Трезены и сами нуждались в уходе. Я же, несмотря на такое отношение к нему всех остальных, не пал духом и не отступился, но ухаживал за ним, имея помощником одного только раба, (26) потому что и слуг при нем никаких не осталось. Ведь он и по природе был человеком тяжело-го нрава, а тут из-за болезни стал еще раздражительнее, так что едва ли стоило удивляться, что они оставили его. Гораздо удивительнее то, что я смог все это выдержать, ухаживая за ним во время такой болезни. Он ведь в течение долгого времени был покрыт нарывами; поднять его с постели было невозможно, (27) а муки он терпел такие, что у нас дня не проходило без слез. Оплакивали мы и горести наши, и изгнание, и то, что мы одни совсем остались. И так продолжалось непрерывно: мне нельзя было уйти или выказать нерадение, и это было для меня страшнее всех моих бедствий.

(28) Мне хотелось бы, чтобы вы ясно поняли, как я себя вел по отношению к нему. И я думаю, что после этого вы не сможете спокойно выслушать речь моих противников¹¹. Теперь нелегко рассказать о том, что было самым тяжелым и неприятным для меня, что требовало самых тягостных трудов и величайшей заботы, пока я ухаживал за ним. Да вы сами подумайте, сколько бессонных ночей, сколько мучений требует борьба с такой болезнью на протяжении столь долгого времени! (29) Ведь я сам так плохо себя чувствовал, что если кто-нибудь из друзей приходил к нам, они выражали опасение, как бы и я не погиб вместе с Фрасилохом, и советовали мне остерегаться, говоря, что многие из тех, кто лечил эту болезнь, умерли сами. А я отвечал им, что скорее предпочту умереть, чем позволю ему, оставленному без всякой помощи и ухода, раньше положенного срока сойти в могилу.

(30) И вот, после того как я показал себя таким образом, со мной осмеливается судиться из-за имущества покойного эта особа, которая даже навестить его не сочла нужным, хотя он болел так долго, а она каждый день справлялась о его здоровье и добираться до нас могла бы без труда. И теперь, после всего этого, они решаются назвать его братом, как будто не понимают того, что насколько близким себе человеком они его признают, настолько тяжелее будет их вина перед ним. (31) Этой женщины не было при нем, когда он готовился к смерти, хотя она и видела наших сограждан, которые были в Трезене по пути на Эгину, куда они направлялись, чтобы принять участие в его похоронах. Она была настолько жестоко-сердной и бесчувственной, что даже на похороны не пожелала явиться. На наследство же сразу предъявила иск, не выждав и десяти дней¹², как будто она была в родстве не с ним, а с его имуществом. (32) И если даже она признает, что была с ним в такой вражде, что иначе и не могла поступить, то, значит, и Фрасилох поступил вполне разумно, когда предпочел оставить свое состояние своим друзьям, а не ей. Если же никаких раздоров между ними не было, а она тем не менее относилась к нему с таким пренебрежением, тогда, конечно, гораздо справедливее было бы отнять у нее ее собственное имущество, нежели сделать ее наследницей Фрасилоха. (33) Итак, примите во внимание, что она и в уходе за больным не принимала никакого участия, и умершему не оказала подобающих почестей, тогда

¹¹ Общее место в речах афинских ораторов (ср. D e m., XLV, 2, 6; XXIV, 151).

¹² Можно предположить, что дочь Фрасилла явилась для того, чтобы принять участие в траурном жертвоприношении, устраивавшемся на девятый день после похорон. Наследник Фрасилоха, конечно, постарался бы затушевать этот факт (ср. I s a e u s, II, 36; VIII, 25, 38—39).

как от меня он получил и то, и другое. Ведь по справедливости вы должны подать свой голос не за того, кто на словах претендует на то, чтобы считаться родственником, на деле же уподобляется врагу, но с гораздо большим основанием за того, кто, не будучи родственником по имени, в несчастье может оказаться более близким человеком, чем настоящей родственник.

(34) По словам моих противников, они верят тому, что Фрасилох оставил завещание, но считают, что оно составлено плохо и неправильно. Однако, эгинеты, мог ли кто-нибудь лучше и с большей пользой, чем это сделал Фрасилох, устроить свои дела? Он и дом свой не оставил без наследника, и друзей отблагодарил, и к тому же мать и сестру сделал хозяйками не только своего имущества, но и моего также, выдав одну из них за меня, другой же оставив в моем лице сына. (35) Разве лучше поступил бы он в том случае, если бы никого не назначил опекуном своей матери, совершенно забыл бы обо мне, бросил бы на произвол судьбы сестру и позволил бы прекратиться своему роду?

(36) Но, может быть, я был недостоин того, чтобы стать приемным сыном Фрасилоха и взят в жены его сестру? Это, однако, могут засвидетельствовать все жители Сифноса: мои предки и по происхождению, и по богатству, и по известности, и во всех прочих отношениях были первыми среди граждан. Кто удостаивался более высоких должностей в государстве, нежели они? Кто платил больше налогов? Кто лучше и с таким великолепием исполнял хорегии и прочие повинности? Из какого другого рода на Сифносе вышло столько басилеев¹³, как из нашего? (37) Поэтому, даже если бы я никогда не говорил ему об этом, Фрасилох, вероятно, все равно захотел бы выдать за меня сестру в силу названных причин. Что касается меня, то даже если бы у меня не было всех этих достоинств и сам я был бы ничтожнейшим из граждан, все равно по справедливости я заслуживал бы величайшей благодарности за все то, что я для него сделал.

(38) Я думаю также, что он и своему брату Сополису угодил бы таким завещанием. Ведь тот ненавидел эту женщину и думал, что она питает к нему вражду во всем, что бы он ни делал, меня же считал самым близким своим другом. Он часто выказывал свое расположение ко мне. Особенно же ясно он дал его почувствовать, когда мы вместе с нашими товарищами по изгнанию и с помощью наемников¹⁴ решили напасть на город¹⁵. Избранный предводителем с неограниченными полномочиями, он назначил меня своим секретарем и казначеем, передав в мое распоряжение все наши денежные средства. В час, когда нам угрожала опасность, он поставил меня рядом с собой. (39) Посмотрите же, какую пользу это ему принесло. Мы потерпели неудачу во время нападения на город. Отступать же пришлось совсем не так, как мы предполагали вначале. Сополис был ранен, не мог идти и потерял сознание. Я вместе с моим слугой на плечах отнес его на корабль. Впоследствии он часто и многим людям говорил, что только мне одному обязан своим спасением. (40) В самом деле, какое благодеяние могло быть больше этого? Когда же он скончался на пути в Ликию, эта женщина, спустя немного дней после того как было получено это известие, уже приносила жертвы и устраивала празднества, несколько не стыдясь брата покойного, который был еще жив: так мало думала она об умершем. Я же оплакивал его, как полагается оплакивать близких людей. (41) И все это я сделал по своему собственному побуждению и из

¹³ Очевидно, название какой-то жреческой должности. Ср. архонт-басилей в Афинах.

¹⁴ Об использовании наемников в междупартийной борьбе см. Нег., I, 64; V, 63; VI, 39; Thuc., IV, 52; VI, 55, 58.

¹⁵ Имеется в виду несомненно Сифнос.

дружеского расположения к ним обоим, конечно, не ради этого суда. Ведь не мог же я думать, что судьба будет настолько неблагоприятна к ним обоим, что они умрут, не оставив детей, и тогда каждому из нас придется отвечать, в каких отношениях мы с ними находились.

(42) Итак, вы слышали почти все, что касается моих и этой женщины отношений с Фрасилохом и Сополисом. Теперь они, пожалуй, прибегнут к тому единственному доводу, который у них еще остался, и будут говорить, что Фрасилл, отец этой особы, конечно, считал бы себя оскорбленным (если мертвые вообще воспринимают каким-то образом то, что здесь происходит), ¹⁶ если бы увидел, что его дочь лишилась имущества, а я стал наследником того, что когда-то он приобрел. (43) Что касается меня, то я думаю, что нам следует говорить не о тех, кто давно уже умер, но о людях, только что скончавшихся и оставивших наследство. Ведь Фрасилл сделал своими наследниками тех, кого он хотел. Рассуждая по справедливости, вы должны и за Фрасилохом признать это право и, таким образом, признать его наследниками не эту женщину, а тех людей, которых он сам указал в своем завещании. Впрочем, мне кажется, что нам не следует бояться того, что подумает обо всем этот Фрасилл. (44) Ибо я думаю, что он строже всех осудил бы эту женщину, если бы узнал, как она обошлась с его сыновьями. Едва ли он стал бы сердиться, если бы вы решили дело так, как этого требует закон. Гораздо скорее он разгневался бы, если бы увидел, что завещания, оставленные его детьми, объявляются недействительными. Ведь если бы Фрасилох просто отдал свое имущество в мой дом, это можно было бы поставить ему в упрек. Он же, напротив, меня самого ввел в их дом, так что они получили несколько не меньше, чем дали ¹⁷. (45) Да и помимо всего этого, было бы вполне естественно ожидать, что Фрасилл, как никто другой, встанет на сторону тех, чьи притязания на наследство основаны на дарственной ¹⁸. Он ведь и сам и искусство свое перенял от прорицателя Полемэнета, и состояние получил от него же и не по родству, а благодаря своим заслугам. Поэтому он, конечно, не стал бы протестовать, если бы кто-нибудь, оказавшись человеком полезным для его детей, удостоился бы от них такого же дара, как и он сам. (46) Вспомните также и то, о чем мы говорили вначале. Как я уже показал вам, Фрасилл настолько ценил близость к нашей семье, что взял в жены сначала родную сестру моего отца, а затем и двоюродную. Так в какую же еще семью он охотнее всего отдал бы свою дочь, как ни в ту, из которой он сам считал достойным взять себе девушку в жены? Из какой семьи он с большей радостью взял бы себе приемного сына, как ни из той, которая, как он надеялся, даст ему родных детей ¹⁹?

(47) Поэтому, если вы присудите мне это наследство, вы, несомненно, сделаете угодное и Фрасиллу, и всем тем, кто имеет какое-либо касательство к этому делу. Если же, поддавшись убеждениям этой женщины, вы будете ею обмануты, вы этим не только мне причините обиду, но оскорбите и Фрасилоха, оставившего это завещание, и Сополиса, и их сестру, теперь являющуюся моей женой, наконец, их мать, которая будет тогда несчастнейшей женщиной, так как ей, потерявшей своих детей, придется в довершение ко всему стать свидетельницей того, как их посмертная воля ни во что не ставится, дом остается без наследника, (48) имущество суд передает

¹⁶ Эта формулировка довольно часто встречается в речах афинских ораторов. См. *I s o c r.*, XIV, 61; IX, 2; *D e m.*, XX, 87.

¹⁷ Говорящий подчеркивает, что его усыновление Фрасилохом должно было обеспечить прежде всего непрерывную преемственность семейного культа в роде Фрасилла.

¹⁸ На практике дарение (*δότης*) и усыновление по завещанию (*ποιητής*) в греческом гражданском праве почти всегда совпадают (ср. *I s a e u s*, IX, 34—36).

¹⁹ Ср. *I s a e u s*, II, 14.

той, которая всегда радовалась их бедствиям, а я никак не могу добиться того, что мне положено по праву, я, который столько сделал для ее детей, что если бы кто-нибудь сравнил меня не с этой особой, а с теми людьми, которым когда-либо приходилось вести тяжбу из-за наследства, полученного в качестве дара, то он, конечно, нашел бы, что я нисколько им всем не уступаю в верности своим друзьям. Но ведь таких людей следует почитать и высоко ценить, а не лишать их даров, которые получены ими от других. (49) Подобаает также содействовать в исполнении закона, по которому нам дозволяется усыновлять и распоряжаться своим имуществом, помня, что людям одиноким этот закон заменяет детей. Ведь благодаря этому закону и родственники, и люди, не связанные родством, больше заботятся друг о друге ²⁰.

(50) Итак, чтобы мне остановиться на этом и не занимать больше ваше время, обратите внимание на те важные справедливые доводы, с какими я к вам обращаюсь. Первый из них — дружеские отношения с завещателями, отношения давние, перенятые нами у отцов наших и никогда не прекращавшиеся. Затем многочисленные и великие благодеяния, совершенные мною ради них, когда они попали в беду. Ко всему этому прибавьте завещание, подлинность которого признают и мои противники, наконец, закон, поддерживающий такие завещания, который все эллины находят прекрасным ²¹. (51) Об этом свидетельствует более всего то, что, тогда как относительно многих других вещей они расходятся друг с другом, в этом все они вполне согласны. Итак, прошу вас: помня об этом и обо всем прочем из того, что я говорил, вынесите справедливое решение и будьте для меня такими судьями, перед какими вы и сами хотели бы предстать.

²⁰ Ср. *Isaeus*, II, 13; *Dem.*, XX, 102.

²¹ Ср. *Isaeus*, II, 24.

XX. ПРОТИВ ЛОХИТА *

Речь написана для афинянина, по-видимому, человека из народа, подвергнутого избиению богачом и аристократом Лохитом. По намекам, содержащимся в тексте речи, можно понять, что случай, послуживший поводом для устройства суда над Лохитом, произошел в ближайшие годы, следующие за падением «Тридцати тиранов». Сохранилась лишь заключительная часть речи, в которой автор с помощью софистического приема амплификации (*βαίνωσις* или *αἰξήσις*) возводит проступок Лохита на уровень политического преступления и покушения на демократию.

.....

(1) Так вот, то, что Лохит избил меня, напав первым, вам подтверждают все присутствовавшие при этом. За это преступление нельзя судить так же, как за другие. Нельзя за причинение телесного ущерба подвергать преступника тому же наказанию, что и за посягательство на чужое имущество. Ведь вы знаете, что для всех людей дороже всего их личная неприкосновенность. Ради нее мы установили законы, ради нее мы сражаемся за свободу, добиваемся демократии и делаем все остальное в своей жизни. Поэтому самым тяжким наказанием подобает вам покарать тех, кто покушается на это наиболее чтимое вами право.

(2) Вспомните, что и наши законодатели более всего заботились о личной неприкосновенности граждан. Во-первых, ведь для преступлений этого рода они в виде исключения разрешили как в частных, так и в общественных делах начинать судоговорение без внесения залога ¹, с тем, чтобы каждый из нас, имея возможность и желание отомстить преступникам, мог это тотчас же сделать. Затем, во всех других случаях только пострадавший имеет право привлечь виновного к суду. Но в том случае, когда совершено насилие, как если бы речь шла о государственном преступлении, дозволено любому гражданину ², если он захочет, подать жалобу фесмофетам и затем обратиться к вам. (3) Настолько опасным преступлением считали блении ³ постановили подвергать штрафу в пятьсот драхм лиц, произносящих бранные слова. Однако, как же следует наказывать за оскорбление действием, когда уже одно только словесное оскорбление, по-видимому, вызывает в вас такое негодование?

(4) Было бы удивительно, если бы вы, считая достойным смертной казни того, кто проявил себя как насильник при олигархическом режиме, людей, творящих то же самое в демократическом государстве, отпустили безнаказанными. Ведь по справедливости их следовало бы наказать еще строже, так как они еще более явственно обнаруживают свою преступность. В самом деле, что может натворить человек, решающийся на преступление теперь, когда это запрещено, в такое время, когда сами пра-

* Перевод Ю. В. Андреева.

¹ О судебных залогах см. *Isaeus*, IV, 4, 10; VI, 12; XI, 13; *Dem.*, XLIV, 34.

² Ср. *Dem.*, XXI, 45-46.

³ «Закон об оскорблении» упоминают также Лисий (X, 1), Демосфен (XXI, 32, 81), Аристотель (*Problem.* XXIX, 1).

вители государства милостиво расположены к людям, совершающим такие дела ⁴?

(5) Лохит, пожалуй, попытается свести на нет это дело, издеваясь над обвинением и доказывая, что я нисколько не пострадал от его ударов и говорю о происшедшем больше, чем дело того заслуживает. Я, со своей стороны, конечно, никогда не обратился бы к вам, если бы при том, что произошло, мне не было нанесено оскорбление. Теперь же я хочу получить от него удовлетворение не за тот вред, который он причинил мне своими побоями, а за понесенное мною надругательство и бесчестие, (6) ибо именно эти проступки среди свободных людей заслуживают наибольшего негодования и самого сурового наказания. Ведь я знаю, что когда вы выносите кому-нибудь приговор за ограбление святыни или за воровство, вы не пытаетесь соразмерить наказание с количеством украденного, а всех одинаково присуждаете к смерти, так как считаете справедливым, чтобы за одинаковые преступления люди несли и одинаковое наказание ⁵. (7) Однако так же следует судить и совершающих насилие, обращая внимание не на то, насколько сильно они избили человека, а на то, что нарушен закон. И наказания нужно требовать не только за случившееся, но и за все их поведение, помня, что часто и незначительные проступки становятся причиной больших бедствий. (8) Ведь в некоторых дерзость человека, нанесшего удар, вызывала такое бешенство, что дело доходило до ранений, убийств, изгнаний и вообще величайших несчастий. И хотя ничего такого на этот раз не произошло, в этом нет никакой заслуги ответчика: он-то как раз сделал все, что было в его силах, и только благодаря счастливой случайности и моему характеру не произошло ничего непоправимого.

(9) Я думаю, что это дело вызовет в вас справедливое негодование, когда вы рассудите, насколько оно опасней всех других преступлений. Вы увидите, что в то время как другие беззакония затрагивают нашу жизнь только с одной какой-нибудь стороны, насилие на все оказывает пагубное влияние и многие семьи из-за него погибли, многие города были разрушены. (10) Нужно ли тратить время на рассказы о чужих несчастьях? Ведь мы сами уже дважды видели демократию низвергнутой ⁶, дважды лишались нашей свободы по вине людей, преступность которых проявилась не в чем-нибудь ином, а в презрении к законам и в стремлении к насильственной власти над своими согражданами, даже если для этого нужно было отдаться в рабство неприятелю ⁷. (11) Этот человек — из той же породы. И хотя по возрасту он еще слишком молод и не мог принимать участия в том, что тогда творилось, его нрав вполне соответствует тогдашнему режиму ⁸. Вот такие же типы выдали врагам наши военные силы, срыли стены родного города, без суда убили полторы тысячи граждан ⁹.

(12) Помня об этом, вы должны наказывать не только тех, кто тогда вас притеснял, но и тех, кто теперь хочет восстановить в государстве такие порядки. При этом гораздо строже следует наказывать тех, кто может совершить преступление в будущем, нежели тех, кто уже прежде совершил его, так как гораздо лучше стремиться к предотвращению тех злых дел, которые могут еще произойти, чем добиваться возмездия за уже совершившееся. (13) И не дожидайтесь, пока, собравшись все вместе и улучив момент, они поднимут руку на целое государство. Нет, наказывайте их по любо-

⁴ Ср. XVIII, 17; Plato, Apol. 32 C—D.

⁵ Ср. Lucr., C. Leocr. 65—66.

⁶ Имеются в виду олигархические перевороты 411 и 404 гг. до н. э.

⁷ Ср. Isocr., XVI, 42.

⁸ Исократ здесь, как кажется, допускает существование «олигархов по природе»

(ср. VIII, 133).

⁹ Ту же цифру сообщают и другие источники по правлению «Тридцати тиранов»; см. Isocr., IV, 133; VII, 67; Aeschin., De legat. 77; Aristot., Ath. pol. 35, 4.

му поводу, какой бы они вам не давали, считая удачей, если кто-нибудь из них, пусть даже и в незначительном проступке, обнаружит всю свою преступность и будет уличен вами. (14) Конечно, лучше всего было бы, если бы преступников можно было отличать от других людей по какому-нибудь внешнему признаку с тем, чтобы наказывать их, прежде чем они причинят вред кому-нибудь из граждан¹⁰. Но раз уж невозможно их узнать, пока кто-нибудь не пострадал от них, то, когда они обнаружены, все должны их ненавидеть и считать общими врагами.

(15) Подумайте также и о том, что бедняки не знают страха за свое имущество, физическое же насилие угрожает в равной степени всем: и богатым, и бедным. Поэтому, наказывая вора, вы приносите пользу только богатым, тогда как, карая насильника, защищаете самих себя¹¹. (16) Вот почему дела такого рода следует признать самыми важными. И если в делах по гражданским искам наказание должно назначаться такое, чтобы возместить истцу понесенный им ущерб, в деле, касающемся насилия, нужно прежде всего подумать о том, какое наказание заставит виновного отказаться от его преступного образа жизни. (17) Итак, если вы лишите имущества буяна, оскорбляющего граждан, считая, что это еще слишком мягкое для него наказание, так как за преступление против личности он расплачивается деньгами¹², то тем самым вы исполните все так, как подобает хорошим судьям. (18) Ведь таким образом вы и это дело решите по справедливости, и других граждан заставите вести себя благопристойнее и свою собственную жизнь оградите от опасности. Ибо разумным судьям свойственно, справедливо решая чужие дела, и свои собственные устраивать наилучшим образом.

(19) И пусть никто из вас, видя, что я беден и принадлежу к простому народу, не сочтет, что я недостойн того, чтобы получить от обидчика такое вознаграждение¹³. Ведь несправедливо назначать за людей безвестных менее строгое наказание, чем за людей знатных, и считать, что бедняки хуже тех, у кого много имущества. Ведь вы самих себя признали бы людьми недостойными, если бы так судили об остальных гражданах. (20) И это было бы ужаснее всего, если бы в демократическом государстве не все имели одинаковые права, если бы, оставив за собой государственные должности, мы в то же время в судебных делах отказались бы от того, что нам положено по закону, и погибая в борьбе за наш государственный строй, при голосовании отдавали бы первенство людям, имеющим много имущества. (21) Если вы послушаетесь меня, то и сами себя не будете так третировать, и молодежь не будет учиться у вас презирать простых граждан, и вы не будете считать, что дела такого рода вас не касаются, но каждый из вас проголосует так, как будто дело идет о нем самом. Ибо в равной мере всем вам причиняют зло те, кто осмеливается нарушать закон, ограждающий от посягательств вашу личность. (22) Поэтому, если вы достаточно благоразумны, постарайтесь убедить друг друга и покажите Лохиту, что сами возмущены его поведением, помня, что люди, подобные ему, относятся с пренебрежением к писаному праву, законом же признают лишь то, что решено здесь, в суде.

Итак, я рассказал о деле, насколько это было в моих силах. Если же кто-нибудь из присутствующих может подтвердить что-либо из того, что я говорил, пусть поднимется сюда и скажет это вам.

¹⁰ Та же мысль у Еврипида (Med. 516—519).

¹¹ Суд присяжных в Афинах состоял по преимуществу из людей малоимущих (ср. Isocr., VII, 54; Aristoph., Vesp. 303—306; Aristot., Ath. pol. 27, 5).

¹² Ср. Dem., XXI, 98, 138, 152.

¹³ Судьи должны были выбирать при вынесении приговора между двумя суммами штрафа: одну предлагал истец, другую ответчик.

XXI. ПРОТИВ ЕВТИНОЙ *

Эта речь, как и предыдущая, была написана вскоре после восстановления демократии в Афинах в 403 г. Обвиняемый Евтиной удержал один талант из трех, оставленных ему на хранение Никием. От лица последнего выступает один из его друзей. Дело Евтиной слушалось без свидетелей (в рукописях сохранился подзаголовок *ἀμάρτυρος*). В конце речи возможен пропуск. Аристотель (Rhet. II, 19) цитирует одну фразу, отсутствующую в рукописях.

(1) У меня нет недостатка в поводах для того, чтобы говорить в защиту присутствующего здесь Никия. Ведь он — мне друг и к тому же оказался в затруднительном положении, став жертвой несправедливости. А говорить сам за себя он не может. Все это вынуждает меня выступить в его защиту.

(2) О том, как возникло у него это дело с Евтиной, я постараюсь рассказать вам, насколько смогу коротко. Так вот, этот самый Никий, когда Тридцать пришли к власти, был вычеркнут его врагами из списков граждан и внесен в список лиц, составленный по соглашению с Лисандром ¹.

Так как сложившиеся обстоятельства страшили его, он заложил свой дом, домашних вывез за границу, пожитки перенес ко мне, а три таланта серебром отдал на хранение Евтиной. Сам же он поселился за городом.

(3) Спустя немного времени он захотел уехать и попросил вернуть ему деньги. Евтиной же отдал два таланта, а про третий сказал, что его вообще не брал. Никий в то время ничего другого не мог поделать, как только пойти к своим друзьям и взывать к их состраданию, жаловаться и рассказывая о том, что с ним произошло. Впрочем, он был столь высокого мнения об Евтиной и к тому же так напуган случившимися событиями, что скорее смолчал бы, даже лишившись кое-чего, чем стал жаловаться, ничего не потеряв.

(4) Так обстоят дела. Мы находимся в затруднительном положении. Ведь при Никии, когда он отдавал на хранение эти деньги и когда он получал их обратно, не было ни одного человека: ни свободного, ни раба ², так что ни с помощью пыток, ни из свидетельских показаний невозможно узнать что-либо об этом деле. И по необходимости приходится нам только с помощью доводов рассудка доказывать нашу правоту, а вам судить, кто из нас говорит правду.

(5) Я полагаю, все вы хорошо знаете, что ложными доносами занимаются обычно люди, умеющие хорошо говорить, у которых, однако, нет ничего за душой. Жертвами же доносов становятся чаще всего люди, неспособные к публичным выступлениям, денег же для уплаты имеющие вполне достаточно. Но Никий как раз — богаче Евтиной, в речах же менее искусен. Поэтому нет ничего такого, что побуждало бы его к несправедливому выступлению против Евтиной. (6) Да и по самой сути дела можно по-

* Перевод Ю. В. Андреева.

¹ Список людей, лишенных гражданских прав. См. Xen., Hell. II, 3, 17—19; Aristot., Ath. pol. 37.

² Никий, конечно, сделал это сознательно, чтобы не привлекать внимание шпионов правительства.

нять, что гораздо скорее Евтиной мог взять деньги, а затем отрицать это, чем Никий стал бы обвинять его, если бы он ничего ему в действительности не давал. Понятно ведь, что все, совершающие бесчестные поступки, делают это ради выгоды. Вор владеет тем, ради чего он пошел на преступление. Подавший же на него жалобу еще не знает, получит он назад свое имущество или нет. (7) К тому же политическое положение в государстве было тогда неустойчивым и суды не работали, так что жаловаться было совершенно бесполезно, а захвативший чужое имущество мог ничего не бояться. И ничего удивительного в том, чтобы присвоить деньги, полученные с глаза на глаз, не было в то время, когда и бравшие в долг при свидетелях потом отрицали это. Поэтому нелепо было бы в те времена надеяться получить что-нибудь по ложной жалобе, когда невозможно было добиться того, что тебе по справедливости причиталось.

(8) Но даже если бы Никию ничто не препятствовало, но он и мог бы, и хотел стать вымогателем, он, конечно, быстро бы понял, что ему ни в коем случае не следует подавать жалобу на Евтиной. Ведь люди, решившиеся на такое дело, никогда не начинают с друзей, а наоборот, с их помощью нападают на других и обычно стараются вовлечь в тяжбу такого человека, которого им нет надобности бояться или стыдиться, про которого они знают, что он богат, но одинок и не может сам вести дело. (9) Евтиной же — человек как раз совершенно противоположного рода. Он — двоюродный брат Никия, говорить и действовать умеет лучше, чем он. Денег у него — мало, друзей, напротив, — много. Так что трудно найти менее подходящего человека, чем этот, для того чтобы затеять с ним тяжбу. Впрочем, мне кажется, поскольку я знаю о их близком родстве, Евтиной и сам не осмелился бы нанести Никию эту обиду, если бы только мог из кого-нибудь другого вытянуть сколько же денег.

(10) Но у них дело было проще³. Ведь жаловаться можно на кого угодно, выбрав его среди всех прочих. Обокрасть же можно только того, кто тебе что-нибудь оставил на хранение. Итак, Никий, если бы он, действительно, имел намерение заниматься ложными доносами, конечно, не стал бы привлекать к суду Евтиной, Евтиной же, напротив, раз уже он решил захватить чужое имущество, не мог найти никого другого, более подходящего для этой цели.

(11) И вот самое лучшее и вполне убедительное доказательство этого: когда жалоба была подана, в городе у власти была олигархия, при которой положение обоих тяжущихся было таково, что Никий, если бы он и в самом деле уже до этого имел обыкновение заниматься ложными доносами, тогда, конечно, должен был бы воздержаться от этого, Евтиной же, даже если бы прежде он никогда не помышлял о незаконии, в то время скорее всего осмелился бы пойти на это. (12) Ведь один из них именно за свою провинности был тогда в почете, другой же из-за своего богатства подвергался опасности — все вы знаете, что в то время опаснее было прослыть богатым человеком, чем преступником, ибо эти захватывали чужое, те же лишались своего имущества. Ведь те люди, которым принадлежала тогда власть в государстве, не заботились о наказании преступников, людей же имущих лишали того, что у них было, и считали тех, кто творил беззакония, верными себе, богачей же — своими врагами⁴. (13) Так что Никий в то время не о том должен был заботиться, чтобы с помощью ложных обвинений заполучить чужое имущество, а о том, как бы самому, не зная за собой никакой вины, не навлечь на себя какую-нибудь беду. Ведь человек, который тогда пользовался таким же влиянием, как Евтиной, мог свобод-

³ Здесь текст неясен. Вероятно, место в рукописи испорчено.

⁴ Ср. *Aristot., Ath. pol.* 35, 3—4; 36, 2; *Xen., Hell.* II, 3, 14, 21; *Luc., C. Eratosth.* 5 слл.

но захватить то, что он взял у кого-нибудь, и обвинить того, кто отказался дать ему в долг. А те люди, которые оказались в том же положении, что и Никий, вынуждены были прощать своим должникам их долги и отдавать свое имущество вымогателям. (14) В том, что я сейчас говорю правду, сам Евтиной мог бы быть вам свидетелем. Ведь он знает, что Тимодем заставил этого самого Никия уплатить ему 30 мин, хотя он и не объявил его своим должником, а только пригрозил выдать его властям. Так неужели же можно поверить в то, что Никий был настолько безумен, что в то время как его собственная жизнь подвергалась опасности, он стал бы сочинять ложные обвинения против других людей; (15) что, не имея возможности спасти свое собственное имущество, он покушался захватить чужое; что к уже имеющимся у него врагам он стал бы присоединять еще и других и несправедливо обвинять тех людей, от которых он не смог бы добиться возмещения, даже если бы они признались, что ограбили его; что он пытался приобрести больше, чем у него было, в то время как и равного-то возмещения убытков не мог бы получить; что, наконец, вынужденный вернуть долг, которого он не брал, он сам вознамерился бы получить обратно то, чего он в действительности не давал?

(16) Но хватит об этом. Может быть, Евтиной скажет, как он и раньше уже говорил, что если бы он хотел действовать вопреки закону, он, конечно, никогда не отдал бы две трети доверенных ему денег, оставив за собой только третью их часть, но каковы бы ни были его намерения, он, и нарушая закон, и соблюдая его, поступил бы одинаково со всей этой суммой. (17) Но я думаю, все вы знаете, что любой человек, когда он решается на несправедное дело, думает и о предстоящей ему защите, и нет ничего удивительного в том, что Евтиной, предвидя наше сегодняшнее словопрение, поступил именно так, а не иначе. Я мог бы назвать и других людей, которые, взяв в долг деньги, большую их часть потом отдавали, удержав только небольшую сумму, и благодаря этому, греша по мелочам, в значительных делах показывали себя порядочными людьми. Так что Евтиной — совсем не первый и не единственный, кто поступает таким образом. (18) Вам следует учесть, что если вы будете внимать оправданиям такого рода, вы тем самым установите правило для нарушителей закона, и впредь они будут одно отдавать, другое оставлять при себе. Ведь если уж они имеют такое намерение, для них будет прямой выгодой то, что они смогут, пользуясь уже отданным как свидетельством своей благонадежности, безнаказанно присваивать все остальное.

(19) Обратите внимание также и на то, что Никий легко мог бы привести в свою пользу те же доказательства, которые Евтиной использовал для своей защиты. В самом деле, когда он получал назад свои два таланта, при нем никого не было, и если бы он имел желание и решился стать вымогателем, он, конечно, никогда не признал бы, что получил эти деньги, но потребовал бы все их целиком; Евтиной же, со своей стороны, рисковал бы гораздо более крупной суммой, чем теперь, и вместе с тем у него не было бы и того доказательства его невиновности, которым он теперь пользуется. (20) И кроме того, никто не мог бы объяснить, почему Никий подал именно такую жалобу, а не какую-нибудь другую, тогда как причины поведения Евтиной легко понять каждому. Ведь, когда с Никием случилось это несчастье, все его родные и близкие знали, что деньги, которые у него были, он оставил на хранение Евтиною. Этот же, со своей стороны, знал, что многие люди осведомлены о том, что деньги находятся у него, хотя никто не знал, сколько их. Вот он и рассудил, что если он возьмет себе только часть от всей суммы, никто не сможет его уличить в этом, если же захватит все, все будут знать об этом. Он, стало быть, предпочел, взяв достаточное количество денег, сохранить за собой средство самозащиты, нежели, ничего не отдавая, лишиться потом всякой возможности отпираться.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Б е р л е в Олег Дмитриевич, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, египтолог.
- В и н о г р а д о в Игорь Владимирович, сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, египтолог.
- Г о л у б ц о в а Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории древнего Рима.
- П и г у л е в с к а я Нина Викторовна, член-корреспондент АН СССР, сириолог-византист.
- Г и о р г а д з е Григорий Григорьевич, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Груз. ССР, хеттолог.
- М а с с о н Вадим Михайлович, доктор исторических наук, зав. сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, специалист по археологии Средней Азии.
- С а р и а н и д и Виктор Иванович, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института археологии АН СССР, специалист по археологии Средней Азии.
- Г р а к о в Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, специалист по истории древней Греции и Северного Причерноморья, эпиграфист.
- Х а р с е к и н Алексей Иудович, кандидат исторических наук, п. о. доцента МПИ-ского пединститута иностранных языков, специалист по истории и языку этрусков.
- Ф р о л о в Эдуард Давидович, кандидат исторических наук, доцент Ленинградского государственного университета, специалист по истории древней Греции.
- К а л л п с т о в Дмитрий Павлович, доктор исторических наук, зав. группой древней истории Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, специалист по истории древней Греции и Северного Причерноморья.
- Г о л е н к о Константин Владимирович, научный сотрудник Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, специалист по античной нумизматике.
-